

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора политических наук, профессора РАН Лексютинной Яны Валерьевны
на диссертацию Сюэ Вэньцзин «Политика Китая на Южном Кавказе (2013–2025
гг.)», представленную к защите на соискание ученой степени кандидата
исторических наук по специальности 5.6.7. – История международных отношений
и внешней политики

Актуальность рассматриваемой в диссертации Сюэ Вэньцзин проблематики обусловлена проявившимся в последние несколько лет интересом китайского руководства к расширению политико-дипломатического и экономического присутствия в государствах Южного Кавказа. Долгое время этот регион был на периферии китайских интересов на евразийском континенте, масштабы присутствия крупного китайского бизнеса были также ограниченными. Между тем, в экспертном сообществе сформировались ожидания взрывной активизации деятельности Китая на южнокавказском направлении ввиду, по меньшей мере, четырех принципиальных обстоятельств: комплексной внутренней и внешней трансформации регионального ландшафта после Второй карабахской войны 2020 г., изменениями в политике самих государств Южного Кавказа, сильнейшими встрясками мировой и региональной транспортно-логистической системы под влиянием комплекса причин, включая введение Западом антироссийских санкций (ставящих под вопрос перспективы Северного транспортного коридора через территорию России и Беларусь в китайском транспортном измерении инициативы «Пояс и путь»), активизацией в регионе внешних акторов, преследующих геополитические интересы. В этой связи исследование современной политики Китая на Южном Кавказе приобретает огромную теоретическую и практическую значимость как позволяющее оценить реальные изменения в китайской политике в данном регионе и сопоставить их с декларируемым китайскими представителями на крупных международных площадках интересом Китая к Южному Кавказу или иллюзорными ожиданиями экспертов.

Новизна диссертационного исследования Сюэ Вэньцзин связана с отсутствием в российском научном поле комплексных исследований по политике Китая на Южном Кавказе. Слабая проработанность рассматриваемой в диссертации исследовательской проблематики хорошо продемонстрирована Сюэ Вэньцзин во введении в части «Степень изученности проблемы исследования» (с. 3-8).

Степень обоснованности научных положений и выводов. Диссертация имеет классическую для диссертационных работ структуру и состоит из трех глав, введения, заключения и списка источников и литературы, но не классическую для исторического исследования структуру. Вместо выстраивания текста по хронологическому принципу и характеристики политики Китая на Южном Кавказе на разных исторических этапах, диссертант строит диссертацию по проблемному принципу, фокусируясь не на эволюции политики Китая на Южном Кавказе, а на изучении интересов Китая в регионе, путях и инструментах их реализации. В этой связи трудно согласиться с утверждением диссертанта на с. 13 о том, что «Научная новизна исследования заключается в том, что в нем выявлена и концептуально обоснована специфика эволюции политики Китайской Народной Республики на Южном Кавказе в 1992–2025 гг.». В диссертации, как следует из ее проблемно-ориентированной структуры, не изучалась специфика эволюции политики Китая, изучалась именно специфика политики (но не ее эволюции).

В целом, материал в диссертации подается последовательно и логично, тезисы в большинстве случаев подкрепляются аргументацией или содержат ссылки на

источники или экспертные оценки авторитетных ученых. Диссертация носит самостоятельный характер, признаков неправомерных заимствований не обнаружено.

Диссертационная работа не лишена **недостатков**, а именно:

- Во введении неверно определены объект и предмет исследования. То, что выделено в качестве объекта («внешняя политика Китайской Народной Республики в отношении государств Южного Кавказа»), на самом деле, является предметом исследования. А в предмете диссертант формулирует следующие положения: «...в условиях реализации глобальной инициативы «Пояс и Путь» и системной трансформации региональной архитектуры безопасности». Такая формулировка предполагает наличие таких объектов исследования, как инициатива «Пояс и путь» и системная трансформация региональной архитектуры безопасности.
- К недостаткам исследования следует отнести доминирование в диссертации анализа политики Китая после 2022 г., период с 2013 по 2021 гг. проанализированы недостаточно и эпизодически (это проявляется в выводах по диссертации, в главе 1).
- Странно видеть при характеристике исторического исследования отнесение к теоретической значимости диссертационной работы «углубление научных знаний о механизмах взаимодействия великой державы с малыми государствами в условиях системного кризиса миропорядка» (с. 16). Обычно диссертации по политическим наукам преследуют такие цели и задачи. В целом, следует указать на наличие признаков политологического, нежели исторического характера исследования Сюэ Вэньцзин (само построение работы, ее структура по проблемному принципу, анализ современного этапа политики Китая, отсутствие обращений к архивам и новым рассекреченным источникам, малое количество проанализированных источников, все из которых широко известны были и ранее, отсутствие полноценного историографического обзора, в исторических диссертациях, как правило, занимающего всю первую главу, постоянное обращение в главах диссертации к обоснованию использования теории неофункционализма и пр.).
- В диссертации прекрасно стилистически прописано введение, но достаточно стилистически слабо, описательно (не аналитически) и логически хаотично основная часть исследования (главы диссертации).
- В диссертации часто встречаются дискуссионные и категорические, громогласные утверждения, не подкрепленные аргументацией. Например, на с. 9 выдвижение Си Цзиньпином в 2013 инициативы «Пояс и путь» диссертант характеризует следующим образом: «Для Южного Кавказа это стало точкой отсчета превращения региона из геополитической периферии в стратегически значимый транзитный и энергетический узел в рамках китайского глобального проектирования». Крайне сложно согласиться с такой трактовкой, поскольку имеющиеся данные об использовании Китаем транзитного и энергетического потенциала Южного Кавказа даже сейчас не подтверждают подобный тезис диссертанта. На с.2 диссертант голословно утверждает, что Южный Кавказ «перешел из категории периферийного пространства в статус одного из значимых геостратегических узлов евразийского континента». Так можно говорить, по существу, о любом регионе и микрорегионе евразийского пространства. С точки зрения китайской стратегии, Южный Кавказ до сих пор занимает маргинальные позиции среди других регионов мира. Например, стратегические партнерства с Грузией, Азербайджаном и Арменией были установлены достаточно поздно (в 2023 г., 2024 г., 2025 г. соответственно) – тогда, когда Китай уже имел подобного рода статус во взаимодействии с несколькими десятками стран мира, а с некоторыми уже перейдя на

самый высший уровень «всепогодного» или «вечного» стратегического взаимодействия.

— В диссертации, в частях, содержащих выводы исследования (например, в положениях, выносимых на защиту) встречаются неконкретные, обтекаемые формулировки, общие слова, искажающие реально протекающие процессы. Например, на с.14 в пунктах, выносимых на защиту, диссертант заявляет о «фундаментальной трансформации» политики Китая на Южной Кавказе с 1991 г. (что само по себе вызывает вопросы) и в качестве единственного детерминирующего фактора обозначено «качественное изменение иерархии национальных интересов Китая, где на смену обеспечению базовой безопасности границ пришло стремление...». Представляется, что в основе активизации Китая на Южном Кавказе лежат иные детерминирующие факторы (выше в первом абзаце отзыва эти четыре фактора обозначены оппонентом).

Многочисленные вопросы вызывает пункт положений, выносимых на защиту, на с.15: «Институциональное закрепление интересов КНР на Южном Кавказе обеспечивается синергией механизмов Шанхайской организации сотрудничества и инструментов гуманитарной дипломатии. При этом институциональное и гуманитарное измерения выступают двумя самостоятельными контурами китайской политики. Вовлечение Азербайджана и Армении в структуры ШОС в качестве партнеров по диалогу образует институциональный контур, а расширение сети Институтов Конфуция — гуманитарный». Насколько уместно партнерство по диалогу (не членство!) Азербайджана и Армении в ШОС рассматривать в качестве признака институционализации интересов Китая на Южном Кавказе?! Не смущает ли диссертанта то, что при взаимодействии Китая со многими регионами есть форматы многосторонних форумов и институций (Китай+страны Центральной и Восточной Европы, Китай – Центральная Азия, Форум китайско-африканского сотрудничества, Китай–СЕЛАК), но в случае Южного Кавказа они отсутствуют?! Что означает тезис о расширении сети Институтов Конфуция применительно к рассматриваемому в диссертации периоду с 2013 г.? Разве такое расширение было?

— В целом, основная претензия к диссертации состоит в узком фокусе и оптике исследования. Внешняя политика Китая на Южном Кавказе рассматривается как автономно существующая от остальной системы международных и внешнеэкономических связей Китая. Это не позволило диссертанту правильно «картировать», поместить Южный Кавказ в систему китайских внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов. Некоторая динамика и оживление активности Китая на Южном Кавказе в последние пару лет поэтому ошибочно в диссертации выдается за высокую приоритетность Южной Кавказа в иерархии китайских приоритетов (этого нет, Южный Кавказ до сих пор находится на периферии китайских региональных приоритетов). В диссертации также общие тренды эволюции китайской внешней политики и внешнеэкономической стратегии не отделяются от трендов на Южном Кавказе. Так, выдавая некоторые процессы политики Китая на Южном Кавказе за рубежные, диссертант не понимает, что они были базовыми для всей внешней политики Китая на всех региональных направлениях.

— Серьезным недостатком выступает ограниченное использование научной литературы на китайском языке или китайских экспертов. В списке литературы это всего лишь 22 наименования (пункты литературы с 77 по 98). Более того, большая часть исследований на китайском языке – это общетеоретические работы, а не специальные работы по политике Китая на Южном Кавказе. Возникает вопрос – насколько данная диссертация репрезентативна с точки зрения описания китайской перспективы на политику Китая на Южном Кавказе или это скорее презентация

российского взгляда на политику Китая на Южном Кавказе (в списке литературы представлено аж 77 работ российских экспертов!)?

— Уместно было бы, но этого нет в диссертации, рассмотреть вопрос наличия и развития в Китае научного направления изучения Южного Кавказа: есть ли и как формировались южнокавказские исследования в Китае, какие есть крупнейшие научно-исследовательские центры и пр. Следует отметить, что применительно к Китаю, косвенным признаком усиления государственного интереса к регионам является поддержка соответствующих регионоведческих научных направлений.

С учетом всего вышесказанного полагаю, что выводы, к которым приходит Сюэ Вэньцин, в общем логически следуют из основного содержания работы и развернуто изложены в заключении. Избранные методы исследования позволяют достичь поставленные цель и задачи. Большая часть выводов и умозаключений диссертанта хорошо аргументирована. Диссертация является самостоятельным, завершенным и профессиональным исследованием важной научной проблематики. Исследование имеет внутреннее единство и свидетельствует о личном вкладе диссертанта в науку. Результаты исследования Сюэ Вэньцин вносят вклад в российскую науку в части характеристики и систематизации знаний о политике Китая на Южном Кавказе в период после 1991 г.

Автореферат диссертации в должной мере соответствует основным ее положениям. Основные результаты диссертации нашли свое отражение в 6 научных публикациях автора по теме диссертации, изданных в рецензируемых научных журналах, включенных в Перечень ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Перечень РUDN.

Заключение. Диссертация Сюэ Вэньцин на тему «Политика Китая на Южном Кавказе (2013–2025 гг.)» соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук, согласно п.2.2 раздела II (кандидатская) Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утвержденного Ученым советом РUDN протокол № УС-1 от 22.01.2024 г., а ее автор, Сюэ Вэньцин, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

Официальный оппонент

Лексютина Яна Валерьевна

Доктор политических наук по специальности 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития,

доцент, профессор РАН,

профессор кафедры американских исследований

Санкт-Петербургского государственного университета

Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

+79626930857

y.leksyutina@spbu.ru

18 сентября 2026 г.

Подпись руки Лексютиной Я.В.
уточнено.
Заместитель начальника
Управления кадров
А.П. Холмукеев
18.09.2026

